

Москвы (Посольство Кунраада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900) наполнено перечнями подарков, которыми встречали и провожали по пути знатных гостей — среди этих подарков всегда называются бочки водки, ведра пива и меду. Порции этих напитков, полагавшиеся ежедневно к столу посла и чинов его свиты, соответствовали, очевидно, привычкам русских распорядителей приемами иностранцев. Здесь послу назначалось, например, — «по 6 чарок вина двойного, по 2 чарки романей, или реиского, по 2 кружки меду обарвого, по 3 кружки меду паточного, по ведру меду цеженого, по 2 ведра пива доброго ячного» (стр. 310). Описание внимательно отмечает все пиры, которыми чествовали гостей, и ответные обеды и приемы у самого посла. После одного из таких обедов «переводчик Фан-Асперен был послан с поручением к губернатору; этот последний заявил, что он такое получил хорошее угощение в предыдущий день, что, по его словам, он еще до сих пор его чувствует и, пожалуй, не встал бы еще: по-русски считается комплиментом, если они, быв где-нибудь в гостях, на следующий день при благодарности прибавляют, что были мертвецки пьяны» (стр. 334). Описывая похоронный обряд у русских, автор замечает, что после похорон «для друзей готовится поминальный пир, на котором как мужчины, так и женщины топят свое горе в доброй попойке». В поминальные дни также устраиваются пиры, где «все как священники, так и другие напиваются до того, что уже не могут стоять на ногах» (стр. 438).

Фан-Кленк также отмечает особенное пьянство на праздниках: «В Москве принято и у немцев, и у русских эту (пьянскую) *В. П.* неделю угощаться, пировать и так напиваться, что они забывают обо всем и находятся почти в бесчувственном состоянии: это они называют хорошо угоститься». Фан-Кленк был поражен цифрой дохода с кабака: «...С ноября до половины января за два с половиной месяца в новом кабаке или гостинице в Польской слободе получено 136 тысяч рублей, каждый ценою в дукат; это, хоть и кажется невероятным, тем не менее истинный факт. Эти люди пьют до такой степени, что пропивают не только свои деньги, но и одежду, жен и детей, даже сами себя, и делаются через это рабами» (стр. 443). Последние сведения относятся уже к характеристике того широкого пьянства, которое шло по кабакам и вело к обнищанию народа — картина, с которой мы встретимся и в «Кабацком празднике». Этот кабацкий разгул, видимо, обратил на себя особое внимание автора, и потому он еще раз возвращается к изображению его. «Простой народ так падок до вина, что часто они не только летом, но и зимою при жестоком